

ПОБЕДИТЕЛЬ ПРЕМИИ
«НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ-2018»

АНДРЕЙ ЛЯХ

ЧЕЛТЕНХЭМ

Москва
2019

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44
Л98

Иллюстрация на обложке
Екатерины Поздняковой

Лях, Андрей.
Л98 Челтенхэм / Андрей Лях. — Москва : Эксмо, 2019. —
736 с.

ISBN 978-5-04-101909-9

Однажды в далекой-далекой галактике... Ах нет, это уже кто-то когда-то писал...

Значит, так: в одной близкой и до боли родной галактике жил очень специальный агент Института Контакта по имени Диноэл Терра-Эттин. И жил он почти спокойно, пока не поручили ему раскрыть загадку Базы инопланетян с Тратеры. И все бы ничего, но на отсталой планете царит не только эпоха «модернизированного средневековья», но и местный правитель, не гнушающийся грязными приемами.

Однако главный герой здесь вовсе не Диноэл, а сама история, мастерски вышплетенная из многих сюжетных линий победителем премии «Новые горизонты — 2018». Она идет вразрез со всеми шаблонами, стирая границы между фантастикой и интеллектуальной прозой.

По словам Галины Юзефович, литературного критика, обозревателя портала «Медуза», роман Андрея Ляха — важное новое слово в русской современной словесности.

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-101909-9

© Лях А., 2019
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

— Ну? Что там было? Ты видел кого-нибудь?

— Да пробежал тут один, в камуфляже...

«Хищник»

Осиротев в раннем детстве, я был пленником честолюбивой знати; могущественный род Дугласов держал меня в неволе, и я ненавижу это имя и самую память о нем.

Из письма Иакова V к Марии де Гиз

Предисловие Синельникова-младшего

Крайне редко, у очень и очень немногих авторов, как неслыханная удача, первоначальный замысел доживает до финальной точки, первоначальная выдумка — до законченной формы. Я столкнулся с этим в полной мере, ибо в итоге, ничуть (что забавно) не изменив сюжета, написал совершенно не то, что собирался.

Так называемые «контактерские байки» — это род фольклора, своеобразный свод историй, побасенок, анекдотов, а отчасти даже комиксов, оформившийся со временем в нечто вроде эпоса (вплоть до элементов канона) и процветавший в стенах подведомственных Институту Контакта лицеев, а также Академии ИК (не путать с современной внутренней академией СБК). В наше время подобные учреждения уже сами по себе стали сказкой (невольно вспоминаются «люди X»), но с конца пятидесятых до примерно середины шестидесятых это были вполне реальные учебные заведения, где в стане юных дарований бурлило неформальное творчество, дававшее в том числе заработок журналистам и писателям легкого жанра.

Я и сам некогда вырос на этих историях, слыша их из уст престарелых корифеев, сам что-то пересказывал, кое-что записывал и в конце концов оказался (если верить мнению доживших до нашего времени знатоков) владельцем одной из самых полных коллекций жанра.

Во всех историях, независимо от бесчисленных разночтений, речь идет о приключениях (в основном на планете Тратера) отважного героя Диноэла Терра-Эттина и его вер-

ной подруги Мэриэтт Дарнер, о борьбе с коварным злодеем Рамиресом, кознях властителя-колдуна Ричарда Длиннорукго (он же Ричард Губастый), подвигах удалого разбойника Гуго Звоняря, о жестоком завоевателе Джоне Кромвеле, о веселом пьянице и гении Дикки Барселоне и премудром киборге Скифе — кстати, многие из этих персонажей были в ту пору вполне реальными и во всех отношениях живыми людьми.

И вот однажды явилась, как мне поначалу показалось, счастливая мысль — да ведь эти истории никогда и нигде не публиковались! Сложив руки я сижу на золотой жиле! Единственная трудность, которая мне тогда виделась, это перенос устного рассказа на бумагу — задача и в самом деле трудноразрешимая, но какие же это оказались цветочки по сравнению с тем, что ждало впереди.

Проблема в том, что, подобно юнцам, имеющим представление о Сталинградской битве только по соответствующей компьютерной игре, я по странной наивности полагал вполне достоверной ту основу, на которой базировалась трагическая сага. Пусть, думал я, остроты придуманы задним числом, брови героев в пересказе стали гуще, косы героинь — толще, сталь — ярче, но события-то подлинны! Поэтому я охотно позволил то ли наитию, то ли ангелу-хранителю подтолкнуть себя к походу в архив для самого беглого взгляда на кое-какие документы той поры — шутки шутками, фольклор фольклором, а прослыть уж совсем безнадежным невеждой, когда речь идет об исторических личностях, тоже не хочется.

Менее всего я собирался доискиваться до какой бы то ни было истины. Я собирался преподнести читателю смесь вестерна и водевиля, и никаких трагических разоблачений! Но не тут-то было.

Первая же бумажка погрузила меня в то, что именуется культурным шоком. Я проклял собственную наивность, но было поздно. Словно нового Фила Босини, меня захватило потоком.

По моим расчетам весь предполагаемый балаган имел место на Тратере во время поисков так называемой Базы

Предтечей — и действительно, в течение предвоенного двухлетия, с тридцать седьмого по тридцать девятый год, Диноэл именно этим там и занимался. Однако сопровождала его отнюдь не легендарная Мэриэтт, а законная жена — Франческа Дамиани.

«Та самая» Мэриэтт Дарнер родилась лишь в сорок втором году, и при всем желании не могла претерпеть каких-то неприятностей по вине злодея Рамиреса, поскольку тот был расстрелян по приказу Кромвеля очень и очень далеко от Земли, когда ей только-только исполнилось четыре года. Замуж за Диноэла (который годился ей не то что в отцы, а едва ли не в деды) Мэриэтт и в самом деле вышла и в поисках Базы участвовала, но произошло это уже в шестьдесят восьмом, и брак их продолжался менее года. Знаменитая встреча с участием мотоцикла, действительно имевшая место и воспетая (я специально подсчитал) в доброй дюжине разнородных произведений, произошла вовсе не под стенами ИК, а почти у ворот Хэмингтона. Что же касается многоумного Скифа, то он до войны на Тратере и вовсе не бывал. Вообще вся тратерская эпопея шестьдесят восьмого года, несмотря на то что она увенчалась таким эпохальным событием в истории, как открытие Алурской Трансферации, — это далеко не самый захватывающий эпизод в карьере знаменитого контактера.

И так далее, и тому подобное. У меня опустились руки. Любезная моему сердцу роль скомороха-потешника вяла и рассыпалась на глазах; с тоской обреченного перелистывал я страницы отчета о расследованиях сенатской комиссии Холла, где во всех подробностях говорилось о том, чего уже современники не хотели знать и оттого не узнали. Что же выбрать? Дурацкую, но веселую сказку, или путаную темную историю о крахе надежд, преданности и предательстве? Повинуясь предначертанию, душа моя исполнилась смирения. Черт с вами со всеми, я расскажу историю о Тратере, о Базе таинственной цивилизации Предтечей и любви Диноэла Терра-Эттина и Мэриэтт Дарнер. О том, что не попало в фильмы и романы. Это совсем другая история. Предупреждаю сразу, что во многом пользовался источником,

к которому среди специалистов отношение, мягко выражаясь, неоднозначное — это сборник «Стенограммы», написанный Скифом в то время, когда он уже находился под стражей, незадолго до его темной, неразгаданной гибели. Не вдаваясь в подробности, чтобы не превращать это предисловие в диссертацию, скажу лишь, что в этих мемуарах верю каждому слову¹.

Зная заранее, что в любом случае упреков избежать не удастся, все же, как и в предыдущих хрониках, укажу на произведенные в тексте изыятия.

Во-первых, как обычно, даже в ущерб художественности, я избавил читателя от слишком красочных выражений, которыми изобиловала речь персонажей.

Во-вторых, до предела сокращены все разделы, относящиеся к теории и практике Контакта, за исключением самых необходимых упоминаний.

В-третьих, наученный горьким опытом, я не стал задерживаться на географических особенностях Тратеры — к слову сказать, весьма и весьма любопытных и вдобавок сыгравших немалую роль в ходе описываемых событий, — поскольку знаю, что никто этого читать не станет, да еще, пожалуй, обругает автора.

¹ Добавлю только одну любопытную деталь. Среди страниц «Стенограмм» было обнаружено нечто вроде закладки — кусочек картона с наклеенной на него крохотной вырезкой из журнала «Интеллидженсер» почти тридцатилетней давности. Речь там шла о том, что на дальний форпост цивилизации, космическую станцию Цитадель, проникли неизвестные злодеи, которые выкрали из тюрьмы некую бандитскую атаманшу, изрешетили в лохмотья некстати подвернувшегося губернатора окрестных территорий, после чего скрылись неведомо куда. История произошла в дальнем закрытом районе под названием Траверс, где подобные события были тогда делом вполне заурядным, так что никто так и не смог объяснить, почему Скиф хранил эту заметку столько лет.

Пролог

— Заднюю «гориллу» заклинило!

— Не кричите так, лейтенант. — От отвращения Кромвель еле разжимал зубы. — Связь вырубил, снимите наушники. Иво, переключи генераторы на наружную и отстреливай переходник по периметру, на кой ляд он теперь сдался.

Краса и гордость, чудо технологий, первый стимфальский крейсер-трансформер «Саутгемптон», которому после мартовских учений двадцать четвертого года предстояло стать официальным флагманом императорского флота, пылая изнутри и осторожно еще тлея снаружи, неспешно разваливался на куски и погружался в атмосферу планеты Тратера.

Всего-то-навсего дурацкий фронтовой истребитель-бомбардировщик загадочной и разбойничьей цивилизации скелетников, как всегда, неожиданно, черт знает откуда, вывернулся хоть и не из-под земли, но из-за земли — вот этой самой тихой деревенской Тратеры — выскочил под боком, сам, наверное, не ожидал, ну и вцепил от растерянности, а «Саутгемптон» — не авианосец, не положено ему сферы охранения, только охранный шлейф, да и силовые поля гудели на одну десятую мощности... Не ждал никто проклятых жуков, и вправду похожих на ходячий человеческий скелет, вообразить такого не могли, и вот результат — в упор, и как минимум четыре попадания (Кромвель вроде бы заметил и пятое), с pistolетной дистанции не промахнешься. Улетел мерзавец недалеко, но дело свое черное сделал.

А стрелял, пакостник негуманоидный, кумулятивно-лучевыми снарядами, у которых гнусная манера еще и погулять

за проломленной броней, так что дальше началось нечто неопишное. Есть такая штука — военное счастье, и Стимфалу в тот день оно изменило. Разрывы скелетниковских снарядов пришлось на схему систем жизнеобеспечения корабля настолько неудачно — фатально неудачно, — что одним махом перечеркнули все расчеты боевой живучести крейсера. То ли так причудливо перемкнуло цепи управления, то ли взрыв генераторов прокатил по сетям какой-то смертоносный импульс, поди-ка теперь разбери, но половина бортовых компьютеров, включая «главного папу» с элементами искусственного интеллекта (ни разу в деле не опробованного), двинулись электронным рассудком и понесли несудорожную.

Двигательный кормовой отсек вдруг отстыковался, прихватив с собой не доживший до распределения запас горючего, и тут же получил в открытые модульные разъемы из всех калибров бешено и бессмысленно закрутившихся в разные стороны орудийных палуб; в центральном сегменте, принявшем на себя основной удар (со стороны «Саутгемптон» напоминал изваянную кубистом гигантскую жабу, в двух местах перехваченную щетинившимися орудиями многоярусными кольцами), рвануло уж и совсем капитально, там бушевал пожар, а связь, напротив, утонула — на экранах дрыгались мутные полосы. Надо было срочно отсоединить головной отсек от этого чреватого неприятностями огненного сумбура, уходить прочь, все равно помогать там уже некому, но проход (который вел, кстати сказать, и к спасательным капсулам) переклинило, нечего даже и соваться, а управление стыковочными узлами вышло из-под контроля.

Головному отсеку с Центральным постом, откуда генерал Кромвель — еще недавно опальный фаворит диктатора, ныне снова в милости, еще нет сорока, худ, как жердь, сед, как лунь, восходящая звезда Генерального штаба и лучший пилот современности — наблюдал за ходом учений, тоже досталось. Прошло по диагонали, пятерых офицеров во главе с командиром испарило на месте, но тут аварийные системы не подвели, экспресс-регенерация сработала,

оболочки затянуло, зарастило, и в итоге капитан-командор учебных маневров оказался первым пилотом разрубленной, с проплавленной вмятиной в голове крейсерской жабы, а его друг и коллега, штурман Иво Шенкенберг — вторым пилотом. Кромвель, зная своему штурману цену и предчувствуя скорую войну с сюрпризами в ней, буквально зубами тащил его за собой по служебной лестнице. Да, еще лейтенант Мазетти — за прошедшие полтора суток учений он сумел осточертеть Кромвелю до несказанной степени — отвратительный мальчишка сумел уцелеть в каком-то миллиметре от пробившего рубку слепящего столба.

Наконец Шенкенбергу, неистово молотившему по клавиатуре и сенсорным экранам волосатыми пальцами, что-то удалось. С электронным воплем и чисто вагонным толчком крейсер разделился еще раз. Синий, с белыми размывами горизонт ухнул вниз, открывая мрак с планетами и светилами, а слева такая же черная громада центрального трюма с двойными рядами светлячков, перечеркнутых дымами, неторопливо ушла вниз; следом, величественно переворачиваясь и словно нехотя меняя ракурсы, уплыло переходное кольцо, похожее на исполинский патронташ, причем патроны вдруг стали вылетать и стрелять сами по себе — это ошалевший компьютер, смекнув по обрыву питания, что дело нешуточное, начал отстрел спасательных капсул. Беспольные, никого не спасшие кабины чертили в небе фиолетовые, медленно гаснущие дуги и исчезали в темноте — это было похоже на траурный салют.

Глядя на такое зрелище, заговорили все трое.

— Да сделайте же что-нибудь, мы же погибнем! Мы все умрем! — завизжал лейтенант Мазетти.

— А где, мать его так, Бейнс? — спросил Кромвель. — Почему до сих пор нет связи?

— Дырка осталась от твоего Бейнса, — сказал Шенкенберг. — По верхотуре тоже пришлось. Лейтенант, сядьте и успокойтесь.

— Нечего ему сидеть да успокаиваться! — рявкнул Кромвель. — Лейтенант, найдите какой-нибудь инструмент и по-

пробуйте пробиться в радиорубку. Может быть, там кто-то жив, но ранен, и посмотрите, что с оборудованием.

— Вы с ума сошли! — По лицу Мазетти тек пот, хотя в Центральном Посту было довольно прохладно. — Через десять минут нас не станет! Нам конец! Какое оборудование! Господи Боже!

— Под суд пойдете, — почти равнодушно ответил Кромвель. — Мерзавец, как разговариваете со старшим по званию? Плюс невыполнение приказа в боевых условиях.

— Плевать мне на ваши звездочки, старые пердуны! Мы все уже покойники, вы что, не понимаете? Господи, ну зачем я сюда пошел? Отец, почему я тебя не послушал?!

— Никакого суда, собственноручно пристрелю, — так же устало пообещал Кромвель.

— Джон, Джон, — предостерегающе произнес Шенкенберг, — не вздумай. Никакой пальбы. Здесь все на соплях. Один выстрел — и каюк. Потом, он просто глупый мальчишка. Кстати, не забывай, чей он сын. Будут неприятности.

— Как собаку, — меланхолично отозвался Кромвель, подняв глаза к потолку.

— Тьфу на тебя! Между прочим, устами младенца глаголет истина. Восемнадцать тысяч. Пора подергать за какие-нибудь ручки.

— Иво, ты идеалист. Мы только что пустили ко дну лучший крейсер империи. Без войны, без ничего. Это трибунал и позор. И какие наши объяснения? Извините, прошляпили скелетника? Предпочитаю умереть с достоинством. У нас тут два «Базальга». Будет прощальный салют. На полнеба.

— А я хочу есть! Забыл, на «Энтерпрайзе» вечером званый обед? Мои чудесные охотничьи колбаски! Я повару взятку дал! Тут не наша вина! У штурвала стоял Блэйк-младший, и этот, старпом, как его там, а мы просто гости.

— Дай умереть, — томно упорствовал Кромвель.

— Джон, шестнадцать тысяч. Потом умирай, сколько хочешь.

Между тем дела и впрямь обстояли неважно. Штука в том, что на уцелевшем куске «Саутгемптона» никаких устройств для полета в планетарных условиях не было. Четыре тор-

мозных сопла, которым в отсутствие центральной тяги грош цена — топлива в аварийных ресиверах на полтора чиха (а центральная тяга осталась догорать где-то на орбите), да хилая круговая цепочка курсовых корректоров, предназначенных в основном для микроманевра в тесноте причалов космических станций. Поэтому представить себе какой-то другой вариант приземления, кроме смертельного удара о поверхность Тратеры, было довольно трудно. Однако Шенкенберг, зная Кромвеля уже без малого пятнадцать лет, не терял надежды на свидание с любимыми колбасками.

— Ну, Джон, а как же твоя речь? И еще — ты же хотел умереть в бою, а где тут бой?

— В тюрьме мы с тобой умрем, — проворчал Кромвель. — Ладно, черт с тобой. Не выйдет из тебя самурая... Какие там поворотники на корректорах?

— Сорокапятки, какашки хьюзовские.

— Тормозные дюзы закольцованы?

— Само собой.

— Отключи мне это кольцо — должны быть какие-нибудь задвижки или уж я не знаю что, иначе все топливо за один пых вылетит... Ручное управление есть?

— Есть-то есть, но там в канале только диафрагмальные сфинктера, и больше ничего — хорошо, если на две минуты хватит. Кто же знал.

— Нам и столько не понадобится — давай втыкай. Экипаж, приготовиться к торможению, будь оно неладно... да что за день сегодня такой...

Шенкенберг перевел дух, судя по вернувшемуся на лицо друга и командира привычному волчьему оскалу, Кромвель заинтересовался задачей, а значит, все в порядке.

Прокашлявшись и взыв, корректоры развернули проваливающийся в атмосферу обрубок первым соплом к земле.

Выхлоп!

— Штурман, альтиметр.

— Шесть двести.

— Опоздываем... Не тянет, керосинка вонючая...

Выхлоп!